

В. В. ВОДОВОЗОВ

Открытое письмо Н. А. Бердяеву

Многоуважаемый Николай Александрович!

Несколько времени тому назад, уже довольно давно, Вы прочитали в Берлине лекцию на тему о социализме и религии, и Вам может показаться странным мой запоздалый отклик на нее. Но, к сожалению, я не был на Вашей лекции; знаю о ней только по газетным отчетам, которые могут быть и неполными, и неточными, и даже неверными: именно поэтому я воздерживался от выступления в печати, которое может оказаться совершенно неуместным. Я ждал, что кто-нибудь другой поставит в печати вопрос, который заинтересовал меня под впечатлением Вашей лекции. Не дождавшись этого, я позволю себе обратиться с ним к Вам.

Вы говорили (если газеты верно передали Вашу мысль), что в России был сделан опыт применения на практике социалистических идей; но он был сделан признанными и несомненными вождями и идеологами социализма, людьми, гораздо более последовательными в своем социализме, чем их критики из социалистического же лагеря; что опыт, проведенный сразу в очень широком масштабе, оказался совершенно неудачным; причина неудачи лежит не в каких-нибудь случайных, посторонних обстоятельствах, а в самом существе социализма как учения аморального и иррелигиозного, и неудача опыта служит убедительным доказательством полной несостоятельности социализма. Поэтому следует вернуться к забытой религии, и именно к религии чистого христианства и к морали, базирующейся на ней; следует построить государство и вообще общественные отношения на этой основе, и только тогда, когда это будет сделано, только тогда будет создан общественный строй, в котором будет найдено успокоение для мятущейся и истрадавшей человеческой души.

Верно я излагаю Вашу мысль? Если нет, прошу простить мне: во всяком случае, я добросовестно старался понять ее, насколько это возможно при ознакомлении с чужой мыслью из вторых рук.

Ваши оппоненты старались опровергнуть Ваше первое положение: они доказывали, что то, что было произведено в России, вовсе не было опытом применения социализма, что произведен он был не социалистами, а людьми, ложно себя называющими этим именем, и в условиях, которые парализуют всякое значение опыта для оценки применимости или неприменимости социализма.

Я не пойду по их следам. Для меня совершенно ясно, что для человека, стоящего вне социалистического лагеря, Ленин и Плеханов, ученик и учитель, так долго работавшие рука об руку в рамках одной и той же партии, не могут не казаться единомышленниками. Совершенно так <же>, как для нехристианина католик, протестант и православный — одинаково христиане, с которыми можно спорить одинаковыми аргументами, как, в свою очередь, для немусульманина суннит и шиит — одинаково мусульмане, различия между учениями которых едва различимы для постороннего.

Но я хотел бы обратить Ваше внимание на второе Ваше положение.

Допустим, что опыт применения на практике социализма был сделан. Но он был сделан только один раз и только в одной стране. Что же касается опытов применения к практике начал христианства, то их было множество и производятся они уже скоро две тысячи лет почти непрерывно, к тому же не в одной, хотя бы и обширной стране, приведенной на край гибели войной, начатой не социалистическими, а христианскими правительствами; нет, он производился систематически во всех пяти частях света. И опыт производился не одною какою-нибудь христианскою сектою, а всеми. Вы — православный, и предлагаете вернуться к православию. Но разве тысячелетний опыт православного государства не оказался весьма печальным и весьма неудачным? Почему он не говорит Вам о несостоятельности православия? Почему дело Победоносцева не дает Вам оснований для обобщения столь же широкого и смелого, как дело Ленина? Разве начала, проведенные в школу и жизнь Победоносцевым, не назывались православными? И разве эти начала не оказались мертвящими, и разве нет некоторой причинной связи между победоносцевской церковью, победоносцевской школой, всей вообще политикой православного правитель-

ства — с большевизмом? И разве Вы как православный не отвечаете за православного же Победоносцева в той же мере, как Плеханов отвечает за Ленина, и отвечаете в гораздо большей мере, чем Чернышевский, Лавров или Михайловский за Ленина?

Я позволю себе отойти от православной церкви, оставаясь в пределах истории христианства. Я напому Вам, как во имя Христова горели костры, зажженные Торквемадой, и святая инквизиция работала во славу Христову. Торквемада был несомненный ученик Христа, как Ленин — несомненный ученик Маркса. Почему же Маркс должен отвечать за Ленина, а Христос не должен отвечать за Торквемаду?

Почему всегда, когда делались попытки обосновать широкое человеческое общежитие на принципах религии и религиозной морали, всегда, без единого исключения (я говорю, конечно, не о маленьких общинах и не о слишком кратких промежутках времени), всегда оказывалось, что как ни глубоко коренится в человеческой душе религиозное чувство, оно находится в непримиримом противоречии, с одной стороны, с его личными страстями и интересами, а с другой — с потребностями человеческого общежития? Всегда, без единого исключения, оказывалось, что религиозное чувство нетерпимо и ревниво; и это верно ко всем религиям без исключения, как только религия выходит за пределы совсем ничтожной горсти ее первых провозвестников.

«Христиане умеют только ненавидеть ближних», — сказал поэт, сам преклонявший свои колена «под древним сводом храма».

Вы помните, конечно, рассказ о судье, разбиравшем тяжбу между тремя братьями — христианином, мусульманином и иудеем, спорившими о том, чей перстень — символ их религий — подлинный.

«Вы, — говорил мудрый судья, — утверждаете, что ваша вера внушает любовь. Но кто же из вас любит сильнее своих братьев? Кто внушает к себе больше любви? Никто? Вы умеете только ненавидеть друг друга?

So seid ihr alle drei betrogene Betrüger
Eure Ringe sind alle drei nicht echt!»¹

Приговор произнесен уже давно и давно вступил в законную силу.

Можете ли Вы представить новый факт, необходимый для пересмотра дела? Увы, такого факта нет. А если его нет, то вся Ваша аргументация бьет мимо.

Не знаю, сочтете ли Вы нужным отвечать на мое письмо. Очень возможно, что Вы имеете достаточное формальное основание этого не делать; как я уже сказал, я не был на Вашей лекции, и охотно допускаю, что все мои возражения тоже бьют мимо цели, что Вы их предвидели, предусмотрели и уже ответили на них; что я, следовательно, ломлюсь в незапертую дверь.

Возможно. В таком случае еще раз прошу Вас простить мне это но думаю, что и в таком случае Вам следовало бы ответить мне печатно. Вопрос слишком важен: широкая читающая публика знает Вашу лекцию тоже только по газетным отчетам, и Вам следовало бы рассеять недоразумение, плодом которого, может быть, является настоящее мое письмо.

